С. В. Бондарев

«НИКТО НИКОГДА НЕ РАСКАИВАЛСЯ, ЧТО ОН СЛИШКОМ ПРОСТО ЖИЛ»: ИСТОРИЯ ОДНОГО УГОЛОВНОГО ДЕЛА О СПЕКУЛЯЦИИ В ПЕТРОГРАДЕ В 1920–1921 гг.

В первые годы советской власти частная торговля была существенно ограничена. Государственное снабжение не могло удовлетворить потребности населения, в этих условиях процветала спекуляция. Многие нелегальные торговцы стремились использовать время перемен для легкого обогащения. Пример подобной преступной деятельности — в материалах уголовного дела по обвинению в спекуляции, расследовавшегося в 1921 г. в Ревтрибунале г. Петрограда.

Ключевые слова: Петроград, Гражданская война, спекуляция, голод, повседневность.

S. Bondarev

«NOBODY EVER REGRETTED THAT HE LIVED TOO SIMPLY» THE HISTORY OF ONE CRIMINAL CASE ON SPECULATION IN PETROGRAD IN 1920–1921

During the early years of the Soviet power private trade was quite limited. The State supplies could not meet the needs of the population. In these circumstances, speculation prospered. Many illegal traders attempted to use this transitional period for an easy enrichment. An example of such criminal activities is criminal case materials on charges of speculation investigated by revolutionary tribunals of Petrograd in 1921.

Keywords: Petrograd, the Civil War, speculation, hunger, daily living.

В 1917–1921 гг. советское государство предприняло попытку резкого ограничения сферы частной торговли. В условиях войны, интервенции и голода большевики не могли допустить массовой спекуляции и утечки товарных ресурсов. Необходимо было взять торговлю под строгий контроль. Частная торговля была существенно ограничена, ее большая часть приобрела статус запрещенной. Ограничение частной торговли, предпринятое государством, в большей степени диктовалось экономическими соображениями, что, однако, не свидетельствовало о полном ее запрещении или уничтожении.

Вследствие государственной экономической политики частная торговля принимает спекулятивный характер. Разница между нормированными ценами, устанавливаемыми государством и вольными ценами была огромной. Спекуляция в стране достигает колоссальных масштабов. В этих условиях советская власть объявляет спекуляцию вне закона. В ноябре 1917 г. Совет народных комиссаров постановил: всех лиц, заподозренных в спекулятивных действиях, подвергать тюремному заключению, поскольку «в условиях величайших народных бедствий преступные хищники ради наживы играют здоровьем и жизнью миллионов солдат и рабочих» [3, с. 28].

Советское право рассматривало спекуляцию как опасное хозяйственное преступление, посягающее на благополучие молодой республики и препятствующее эффективной деятельности государственного аппарата снабжения. Декрет СНК «О спекуляции» от 22 июля 1918 г. предусматривал

лишение свободы сроком от 3 до 10 и более лет за спекуляцию различными видами продовольствия и товарами [3, с. 725–726].

Борьба со спекуляцией вылилась в преследование незаконной, с точки зрения государства, торговли. В этом преступлении мог быть обвинен любой человек, совершавший частную сделку. Так, большинство дел, рассматривавшихся в народных судах Петрограда с 1918 по 1921 гг., касались обвинения в спекуляции. Задерживали всех, кто так или иначе был заподозрен в нелегальной хозяйственной деятельности. Сотрудники милиции, ВЧК, проводя аресты, не видели различия между профессиональными дельцами и теми, кого на запрещенную торговлю толкал голод. Перед правосудием все были равны: и организованная группа, уличенная в крупной спекуляции мануфактурой через посредников [4, л. 73], и женщины, торгующие папиросами и лепешками на улице [5, л. 2], для того, чтобы прокормить свои семьи. Между тем нужда и голод толкали на занятие запрещенной торговлей огромное количество людей, для которых она была главным источником самоснабжения.

Во все времена находились люди, которые в переломные моменты истории использовали все возможности для собственного обогащения. Уверенные в собственной безнаказанности, они совершали преступления и разрабатывали дерзкие махинации ради корыстных целей. Так было и в первые годы советской власти.

Типичным примером такой преступной деятельности стало дело, которое разбиралось в Петроградском губернском революционном трибунале в 1921 г. Трибунал вел следствие в отношении граждан Упита, Пилата, Смирнова, Мейстера.

Обстоятельства дела таковы: 26 февраля 1921 г. агентами ВЧК на ул. Жуковского были арестованы некто Альфред Иванович Пилат и Карл Яковлевич Мейстер. Оба задержанных — безработные, имели при себе посылки с мукой. В тот же день был арестован председатель расценочной комиссии почтосортировочной конторы Петрограда Алексей Александрович Смирнов. Задержанные стали фигурантами уголовного дела о крупной спекулятивной группе. Воссоздать сложную преступную схему позволяют документы следствия.

Допрошенный в качестве обвиняемого А. И. Пилат показал, что он явился в почтовое отделение узнать, не прибыли ли на его имя четыре посылки от красноармейца по фамилии Адот. Сотрудник отделения А. А. Смирнов ответил, что от красноармейца Адота посылок нет, но имеется партия из 40 посылок, две из которых — на имя Франца Адота [20, л. 192].

Удивляла странная любезность сотрудника почты, который сообщает постороннему о посылках на чужое имя. Кроме того, А. А. Смирнов сообщил, что партия из 40 посылок может быть выдана лишь при его содействии и за известное вознаграждение, а для этого он предложил отыскать отправителя всех посылок.

После этого разговора А. И. Пилат отправился к сестре Франца Адота. Вероятнее всего, что ее адрес сообщил ему А. А. Смирнов. Гражданка Адот познакомила А. И. Пилата с человеком, который называл себя представителем командного состава 43-го стрелкового полка. Он дал А. И. Пилату все адреса, на которые были отправлены посылки. Исполнителю за доставку посылок было обещано два пуда муки [20, л. 192].

Таким образом, в ходе допроса выяснилось, что в этом деле замешан некий «представитель командного состава 43-го стрелкового полка», который владеет информацией о крупной партии посылок, пришедшей на разные адреса. Количество посылок и различные адресаты вызвали подозрение, что содержимое груза носит нелегальный характер. Эту гипотезу подтвердил тот факт, что незнакомец доверил получить посылки случайному человеку (А. И. Пилату), узнавшему о грузе от нечистого на руку служителя почты.

А. И. Пилат, согласившись за вознаграждение сыграть роль посредника, в первый день получил семь посылок, которые были доставлены гражданке Адот. На другой день обвиняемый получил 21 посылку. Их перевезли на улицу Жуковского и в Эртелев переулок. Как показал А. И. Пилат, посылки были перевезены с помощью К. Я. Мейстера на автомобиле, предоставленном гражданкой Шамаевой. Обвиняемый на допросе А. И. Пилат подчеркнул, что на получение посылок его подтолкнуло предложение почтового сотрудника А. А. Смирнова и что участие Мейстера и Шамаевой было совершенно бескорыстным — они лишь оказывали любезность в помощи доставки груза. В незаконном получении посылок А. И. Пилат себя не признавал, так как он был твердо уверен, что посылки попадают в верные руки. Получатель предоставил ему точный перечень всех посылок, они выдавались по всем установленным правилам, поэтому обвиняемый был уверен в законном получении посылок [6, л. 62–65].

Допрошенный в качестве обвиняемого К. Я. Мейстер показал, что находился в автомобиле, на котором перевозили посылки, по просьбе А. И. Пилата и также виновным себя ни в чем не признавал [8, л. 68, 69].

Фигурировавший в материалах дела председатель Расценочной комиссии при Почтовой сортировочной конторе А. А. Смирнов на допросе заявил, что посылками лично он вообще не заведует. По его словам, обвиняемый А. И. Пилат предоставил список со всеми фамилиями посылок и предлагал 25 000 руб. за получение каждой. Это предложение А. А. Смирнов, по его словам, отверг. Более того, служащему почты было неизвестно, что А. И. Пилат хотел получить посылки, которые ему не принадлежали. Список с фамилиями адресатов А. А. Смирнов, по его показаниям, уничтожил [21, л. 192 об].

Далее с помощью показаний А. А. Смирнова было установлено, что А. И. Пилат явился к нему на службу и предъявил список на посылки с просьбой навести справки. Выяснив, что посылки прибыли, работник почты сообщил об этом Пилату. От предложенного А. И. Пилатом вознаграждения А. А. Смирнов якобы отказался и выдал повестки на 39 посылок [10, л. 100, 137]. Заявив, что выдача посылок находится вне его компетенции и отвергая обвинение во взятке, А. А. Смирнов на первых допросах всячески отрицал свою вину. Однако эти показания шли в разрез с материалами допросов А. И. Пилата. По словам последнего, именно А. А. Смирнов сообщил ему об имеющихся посылках. Более того, из показаний А. И. Пилата следовало, что А. А. Смирнов требовал 25 000 руб. с каждой посылки и один пуд муки.

На основании допросов трех обвиняемых стало ясно, что А. И. Пилат в качестве посредника получал не принадлежащие ему посылки, а сотрудник почты А. А. Смирнов подозревался в получении взятки. Однако о содержимом посылок ничего не было известно, и не была установлена личность таинственного неизвестного, который передал А. И. Пилату все адреса. Ни Франц Адот, ни его сестра, в квартире которой А. И. Пилат встретился с незнакомцем, по не известным нам причинам не были привлечены к следствию. Характер операции по получению посылок и главный организатор не были установлены, а дело полностью не было раскрыто.

Следствию помог случай. В марте Чрезвычайной тройкой Московского района был задержан некто Альфред Георгиевич Упит. При нем оказались подозрительные подложные документы и револьвер «браунинг» без надлежащего разрешения [9, л. 78].

В то время случаи задержания за ношение или продажу оружия не были редкостью. Согласно декрету «О сдаче оружия» от 12 октября 1918 г., население было обязано сдать винтовки, пулеметы и револьверы всех систем, а также патроны к ним [3,

с. 1325]. Тем не менее в городе процветала торговля оружием, особенно на Александровском рынке.

Задержанный А. Г. Упит на допросе показал, что нигде не служит, является дезертиром и права на ношение оружия не имеет. Также он сознался в приобретении фальшивых документов и рассказал, что в Екатеринодаре три месяца занимался спекуляцией. Из дальнейших показаний А. Г. Упита становится ясно, что он имеет непосредственное отношение к таинственным 40 посылкам. Вместе с соучастником Иваном Лайме, приехавшим в Петроград под именем Рудольфа Орберта, они организовали отправку с Кубани посылок с мукой в Петроград для продажи по спекулятивным ценам [11, л. 121, 122].

В ноябре 1920 г. А. Г. Упит вместе с Рудольфом Орбертом в городе Ново-Минске приобрели поддельные документы, по которым в три приема отправили по почте в Петроград 75 посылок с пшеничной мукой на имена знакомых. При сдаче посылок А. Г. Упит и его подельник выдавали себя за представителей 43-го стрелкового полка. В Ново-Минске сотрудники почты за отправку получали табак и папиросы. Отправив все посылки, организаторы спекулятивной операции поехали в Петроград.

Когда А. Г. Упит находился в квартире Адот, туда пришел А. И. Пилат и вызвался привезти посылки. А. Г. Упит, по его словам, был удивлен таким предложением. Однако А. И. Пилат заявил, что комбинация с посылками ему известна, так как он является агентом по сортированию посылок. А. И. Упит согласился на услугу А. И. Пилата по получению и доставке муки [12, л. 128, 130].

Примечательно, что А. И. Пилат, по показаниям А. Г. Упита, представился сотрудником почты, что было сделано для того, чтобы получить подряд на доставку посылок. Иначе А. Г. Упит едва ли согласился бы на услугу человека, которого он видел в первый раз в жизни.

На очередном допросе А. А. Смирнов признался, что А. И. Пилат действительно предложил вознаграждение в размере 25 000 руб. за выдачу каждой посылки, а он на это дал свое согласие. По словам обвиняемого, он считал, что эта сумма будет уплачиваться не за выдачу посылок, которые его не касаются, а за наведение справки и выдачи повесток. Денег с А. И. Пилата он не получил, так как тот обещал прийти к А. А. Смирнову на квартиру, но не пришел [15, л. 155].

Взяточничество и должностные преступления в первые годы советской власти были распространенным явлением. В. И. Мусаев отмечает, что должностные преступления являлись серьезной проблемой, одновременно он приходит к выводу, что злоупотребления полномочиями носили не систематический, а частный характер. Организованной преступности как таковой не было — криминалитет не был инкорпорирован с властными структурами [2, с. 168]. Так и в деле с мучными посылками почтовый служащий А. А. Смирнов лично не был знаком с организаторами незаконной операции, между ними был посредник — А. И. Пилат. Незаконное вознаграждение А. А. Смирнову полагалось за содействие при получении посылок.

Постановление трибунала по делу об обвинении граждан Упита, Пилата, Мейстера и Смирнова было вынесено 22 июля 1921 г. [18, л. 191]. На следствии выяснилось, что А. Г. Упит, работавший ранее на Тентелевском заводе в Петрограде, обвинявшийся в дезертирстве в 1920 г. из Латышской стрелковой дивизии, купил подложные документы на свое имя. Он и другой дезертир, Иван Лайме, стали заниматься спекуляцией на Кубани. В ноябре 1920 г. А. Г. Упит и И. Лайме начали покупать пшеничную муку и отправлять ее посылками в Петроград. При отправке из города Ново-Минска спекулянты выдавали себя за представителей 43-го стрелкового полка, на что имели подложные документы [13, л. 130].

Всего в Петроград А. Г. Упит и И. Лайме отправили 75 посылок. Пункт назначения почтовых отправлений был выбран не случайно: в Петрограде катастрофически не хватало продовольствия. В январе 1921 г. мука на вольном рынке стоила 700 рублей за фунт, а в следующем месяце цена варьировалась от 1000 до 1600 рублей [1, л. 4 об.]. В материалах дела, рассматривавшегося Петроградским трибуналом, вес отправлявшихся из Ново-Минска посылок с мукой не указывается. Согласно материалам дела, служащий почты А. А. Смирнов рассчитывал на взятку в размере 25 000 рублей с каждой посылки. Если учитывать минимальную стоимость муки в Петрограде на вольном рынке в феврале 1921 г. и предположить, что размер взятки сопоставим, как минимум, с половиной стоимости всей посылки, то очевидна рентабельность спекулятивной операции.

Прибыв в Петроград, А. Г. Упит и И. Лайме стали выкупать из сортировочного почтового отделения посылки группами через А. Г. Пилата [7, л. 65]. Последний предъявил 39 повесток, но до ареста успел вывезти только 28 посылок. Подельник А. Г. Упита, И. Лайме, скрылся и розыски его были безрезультатны [19, л. 191 об.].

На основании материалов дела А. Г. Упит обвинялся в дезертирстве, в покупке и пользовании подложными документами, в спекуляции, в незаконном хранении и ношении оружия. А. И. Пилат проходил в деле по обвинению в незаконном получении посылок с корыстной целью, в подкупе должностного лица и в присвоении не принадлежащего ему звания. А. А. Смирнов подозревался в преступлении по должности с корыстной целью, а К. Я. Мейстер — в соучастии в перевозке преступным образом полученных посылок [23, л. 193 об.].

17 августа 1921 г. Петроградский губернский революционный трибунал приговорил А. Г. Упита, А. И. Пилата и А. А. Смирнова к лишению свободы с применением общественных принудительных работ сроком на три года. К. Я. Мейстер был оправдан [24, л. 209, 210].

К материалам дела прилагаются различные документы того времени, изъятые при арестах у обвиняемых. Интерес представляет справка, выданная 3 января 1921 г. латвийским консулом в Петрограде [16, л. 175 в.]. Оказывается, А. И. Пилат накануне своего участия в перевозке посылок подал в консульство заявление о желании оптировать латвийское гражданство. К. И. Мейстер на допросах показывал, что два месяца нигде не служит, так как собирался ехать в Ригу и в день ареста шел к А. И. Пилату поговорить относительно отправления на родину [14, л. 139]. Очевидно, что последний, случайно узнав от почтальона о преступной схеме, решил подзаработать на авантюре, дабы отправиться в Латвию не с пустыми руками.

Документы дела по обвинению в спекуляции позволяют проследить судьбу его фигурантов после вынесения решения трибунала. А. А. Смирнову по амнистии в честь четвертой годовщины Октябрьской революции срок наказания был сокращен до половины, т. е. до одного года шести месяцев [26, л. 224]. 30 марта 1922 г. в Петрогубревтрибунал он подает заявление, в котором «имеет смелость обратиться к милосердию трибунала» о зачете времени предварительного заключения или об освобождении досрочно-условно. Уже 26 мая 1922 г. из трудового дома в Петрогубревтрибунал сообщалось, что содержащийся под стражей А. А. Смирнов согласно определению трибунала от 15 мая из-под стражи освобожден полностью [28, л. 240].

Дело А. И. Пилата 24 марта 1922 г. рассмотрела Петрогубраспредкомиссия [27, л. 228]. Во внимание принималась работа осужденного, хорошее поведение и отбытие более двух третьих наказания. Очевидно, А. И. Пилат также попал под амнистию в октябре 1921 г., вследствие чего его срок

заключения сократился вдвое. Согласно постановлению комиссии дальнейшее пребывание осужденного в заключении не являлось необходимостью, и А. И. Пилат был представлен к условно-досрочному освобождению.

Осужденный организатор «инициативной группы по спекуляции» [18, л. 191] А. Г. Упит 8 января 1922 г. бежал из мест лишения свободы [25, л. 221]. Сообщение о побеге, а также о предпринятых мерах розыска поступило в Петрогубревтрибунал 27 января 1922 г. Однако поиски сбежавшего не принесли результата. В ноябре 1922 г. трибунал просил Петрогуброзыск принять меры к розыску и аресту А. Г. Упита. В ответе Петрогуброзыска говорилось, что по наведенным справкам таковой в Петрограде на жительстве не значится, но розыск его продолжается.

Водоворот событий революции, Гражданской войны изменил моральный облик людей. В то время, как одни думали, где найти пропитание, другие использовали любую возможность для наживы. Разного рода дельцы пользовались ситуацией острой нехватки продовольствия в корыстных целях. Петроград захлестнула волна преступности. Грабежи, убийства, а также произвол со стороны новых властей породили атмосферу беззакония и аморальности. Спекулянты в обстановке голода колоссальными ценами на продукты наживались на человеческом горе. Два дезертира, фигуранты рассмотренного нами уголовного дела, по подложным документам, с помощью подкупа осуществляли хитроумную операцию: скупив муку на плодородной Кубани, отправляли посылки в голодающий Петроград. Их действия носили дерзкий, вероломный характер. Примечательно, что в одном уголовном деле нашли отражение наиболее распространенные преступные явления того времени: спекуляция, дезертирство, подделка документов, подлог, ношение оружия без разрешения, взяточничество, должностные преступления. Отдельно стоит отметить возраст фигурантов нашего дела: на момент следствия А. И. Пилату было 25 лет, К. Я. Мейстеру — 27, самому старшему из обвиняемых — А. А. Смирнову — 36 лет [22, л. 193]. Главному действующему лицу, одному из организаторов спекуляции, А. Г. Упиту, был 21 год. Молодой человек к этому времени имел внушительный послужной список: дезертировал из рядов РККА, организовал схему для занятий крупной спекуляцией, был приговорен к трем годам лишения свободы. В 22 года к этому еще прибавится побег из мест заключения. А. Г. Упит и ему подобные использовали время перемен для обогащения. Это были антигерои своего времени: дерзкие, безрассудные, готовые отправиться на любые отчаянные авантюры. Что же толкало их на уголовные преступления? Ответ находим в принадлежащей А. Г. Упиту записной книжке, на первой странице которой записано: «Никто никогда не раскаивался, что он слишком просто жил»… [17, л. 176 д.]. Очевидно, что молодой человек хотел улучшить свое материальное благосостояние, используя ситуацию, сложившуюся в годы Гражданской войны. Его не устраивало «слишком просто жить», и он придумал, как заработать легкие деньги. И таких людей в то время находилось немало. Спекулируя на человеческом горе, вздувая небывалые цены на жизненно необходимые товары, они получали огромную материальную выгоду. Но нельзя недооценивать их роль в качестве альтернативного источника снабжения страны продовольствием. Известно, что в Петрограде, как и во всей стране, велась активная борьба против спекуляции. Но меры, применявшиеся к спекулянтам, не могли привести к искоренению частной торговли. Она стала реальным источником существования миллионов жителей страны. Представляется, что большие масштабы спекуляции —

не причина, из-за которой власть не могла уничтожить торговлю, а следствие. Для того, чтобы эффективно бороться с запрещенной торговлей, необходимо было хорошо наладить государственное распределение. Однако власть не смогла решить эту задачу. Население было вынуждено самостоятельно добывать продукты, необходимые для жизнедеятельности. Именно этим объясняются огромные масштабы спекуляции. Даже в периоды самых радикальных акций частная торговля полностью не исчезала. Кроме того, государственные структуры и учреждения сами в немалой степени способствовали процветанию запретной торговли. Взяточничество, экономические махинации, злоупотребления советских служащих мешали борьбе со спекуляцией. В конечном итоге, власти были вынуждены считаться с запрещенной торговлей и смотреть на это явление сквозь пальцы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Архив ГМЗ «Петергоф». Д. 925-а. Л. 4 об.
2. *Мусаев В. И.* Преступность в Петрограде в 1917–1921 гг. и борьба с ней. СПб., 2001. 208 с.
3. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942. 1483 с.
4. ЦГА СПб. Ф. 63. Оп. 2. Д. 11. Л. 73.
5. ЦГА СПб. Ф. 63. Оп. 2. Д. 166. Л. 2.
6. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 62–65.
7. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 65.
8. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 68, 69.
9. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 78.
10. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 100, 137.
11. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 121, 122.
12. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 128, 130.
13. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 130.
14. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 139.
15. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 155.
16. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 175 в.
17. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 176 д.
18. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 191.
19. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 191 об.
20. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 192.
21. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 192 об.
22. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 193.
23. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 193 об.
24. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 209, 210.
25. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 221.
26. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 224.
27. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 228.
28. ЦГА СПб. Ф. 2411. Оп. 1. Д. 43. Л. 240.

REFERENCES

1. Arhiv GMZ «Petergof». D. 925-a. L. 4 ob.
2. *Musaev V. I.* Prestupnost' v Petrograde v 1917–1921 gg. i bor'ba s nej. SPb., 2001. 208 s.
3. Sobranie uzakonenij i rasporjazhenij pravitel'stva za 1917–1918 gg. M., 1942. 1483 s.
4. TsGA SPb. F. 63. Op. 2. D. 11. L. 73.
5. TsGA SPb. F. 63. Op. 2. D. 166. L. 2.
6. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 62–65.

7. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 65.
8. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 68, 69.
9. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 78.
10. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 100, 137.
11. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 121, 122.
12. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 128, 130.
13. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 130.
14. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 139.
15. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 155.
16. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 175 v.
17. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 176 d.
18. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 191.
19. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 191 ob.
20. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 192.
21. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 192 ob.
22. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 193.
23. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 193 ob.
24. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 209, 210.
25. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 221.
26. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 224.
27. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 228.
28. TsGA SPb. F. 2411. Op. 1. D. 43. L. 240.